

Содержание

<i>Жить для возвращения</i>	5
Вступление.....	11
Именитые и безымянные.....	13
Колумбы ли открывают Америки?.....	13
Несправедливости обычной карты.....	24
Пропавшие экспедиции.....	29
Два портрета из XVIII столетия.....	29
«Итак, она звалась Татьяна...».....	40
«Решила сделать, что могу...».....	46
Советская Земля... Николая II.....	54
Как звали Ивана Львовича Татаринова.....	69
Сколько было капитанов?.....	69
«Не сотвори себе кумира!».....	82
Кто и когда?.....	101
Загадки Красной палатки.....	121
Кочующие призраки.....	145
Ищу Леваневского.....	161
Страшнее любой стихии.....	177
Земля Иванов Денисовичей.....	177
Вдогонку за биографией.....	182
Как истребляли «Сборную Союза».....	192
От солдата до маршала.....	210
<i>Библиография</i>	222

Зиновий Михайлович Каневский
1932–1996

Именитые и безымянные

КОЛУМБЫ ЛИ ОТКРЫВАЮТ АМЕРИКИ?

Если подняться по крутым петляющим улицам и улочкам современного Марселя к подножию парящего над городом великолепного храма Нотр-Дам-де-ла-Гард (собор Богоматери Хранительницы) и глянуть вниз, на город, то взору одновременно предстанут два моря – море красных черепичных крыш и голубое Средиземное. Где-то в лабиринте красноглазых домов затерялась улица Каннебьер (Конопляная), где-то – улица Мельянские Аллеи, на которых жили придуманные, но такие осязаемые герои Дюма: юный Эдмон Дантес, его Мерседес, их безжалостные враги. Переведите взор на марсельскую бухту, и вы не сможете оторвать глаз от серых скал и башен острова Иф, в замке-тюрьме которого молодой моряк, схваченный по клеветническому навету, провел горестные четырнадцать лет...

Спокойна марсельская бухта, сотни катеров, яхт, лодочек и лодчонок сгрудились на подходе к пирсу, где бушует рыбный рынок. Солидно пробирается к причалу советский теплоход «Шота Руставели» с очередной партией любопытствующих разноязыких туристов, и требуется определенное усилие, чтобы вообразить себе этот порт, каким он был свыше двух тысяч лет назад.

Еще в VI в. до н. э. фокейские греки, выходцы из Малой Азии, основали здесь колонию Массалия («Врата Востока»), а два

столетия спустя, между 350 и 320 гг. до н. э. (точнее сказать невозможно), один из ее обитателей, грек Пифей, ушел в свое великое, навсегда вошедшее в историю плавание. Это был не местный купец-богач, а ученый, обладавший обширными географическими, этнографическими, астрономическими, навигационными познаниями, и осуществленную им экспедицию спустя две с лишним тысячи лет оценивали так: «Предприятие Пифея возникло из той чистой, неподдельной страсти к истине, что свойственна всем великим исследователям и открывателям».

Итак, в один из дней неизвестно какого месяца и года IV столетия до нашей эры из гавани жаркой Массалии вышло в Средиземное море греческое парусно-весельное судно. Миновав Гибралтарский пролив, оно не повернуло, однако, на юг, как это традиционно делали финикийцы и карфагеняне, а взяло курс на север. Зачем? Почему? Вот вам первые вопросы, по сути, остающиеся без ответа. Высказывается лишь предположение, что богатые купцы Массалии наняли искусного навигатора Пифея, чтобы он привез им достоверные сведения о странах олова и янтаря¹.

От собственноручных записей, которые вел мореплаватель, сохранились только разрозненные фрагменты по несколько строк в каждом. Они уцелели случайно, и за это надо благодарить другого знаменитого грека – крупнейшего античного географа и историка Страбона, жившего на рубеже старой и новой эры. Это был автор объемного труда «География», состоящего из семнадцати книг. Изучая записи Пифея, Страбон пришел к выводу о том, что они сплошная выдумка. Ему казалось невероятным, что «человек честный, и притом бедняк, мог проплыть и пройти столь большие расстояния, дойти до пределов моря и исследовать всю часть Европы, лежащую на севере». Но, будучи настоящим историком, Страбон не позволяет себе уклониться от цитирования первоисточника, т. е. дневников Пифея, и эти-то цитаты как раз лучше всего сви-

¹ Предположительно нынешняя Прибалтика. – Здесь и далее, если не оговорено иное, все примечания принадлежат автору.

детельствуют в пользу «показаний» первого полярного мореплавателя.

«Варвары² показали нам то место, где солнце отправляется на покой. Ибо случилось... что ночь в тех областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других – три часа, так что через очень короткое время после захода солнце вновь поднималось». Перед нами типичное описание белой северной ночи (вспомните знаменитые пушкинские строки: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса»), и сделать его в те невероятно далекие от нас времена мог только очевидец.

Похоже, что Пифей побывал в краях, лежащих между шестьдесят второй и шестьдесят четвертой параллелями, откуда рукой подать до полярного круга. Судя по всему, мореплаватель достиг Британских островов, побывал в водах Северного моря и добрался до какой-то таинственной страны Туле. Подавляющее большинство географов и историков более позднего времени полагают, что речь идет о Норвегии, но кое-кто из наиболее азартных всерьез говорит об Исландии и даже о Гренландии. По словам самого Пифея, за этой страной Туле не было уже «ни моря, ни земли, ни воздуха» – вот какое гнетущее впечатление произвели на южанина эти широты, причем отнюдь не зимой, а летом или ранней осенью. Пифей впервые доставил в цивилизованный мир сведения о «маре конкретум» – «свернувшемся море», иными словами, об океане, покрытом плавучими льдами. О них путешественнику рассказали на языке жестов встретившиеся ему коренные обитатели тех мест.

Правда, кое о чем цивилизованный мир знал и прежде, хотя и не из уст непосредственного очевидца. В священных индийских и персидских книгах, «Ведах» и «Авесте», в поэмах эллинов, а позже – в сагах скандинавских викингов и сказаниях русских поморов можно было прочесть о беспредельно далеких краях с незаходящим летним солнцем и беспросветной длинной

² Так Пифей именует местных жителей.

Приблизительный маршрут плавания Пифея

ночью. Мы можем определенно утверждать, что и две, и три, и пять тысяч лет назад человечество уже ведало о том, что есть на белом свете Арктика (страна, лежащая под созвездием Большой Медведицы, которое зовется по-гречески Арктос).

В древнейших гимнах, легендах, сказаниях, мифах запечатлена подлинная память человеческая, хотя в самих этих произведениях содержится немало вымышленного, сказочного, фантастического. Тут и киммерийцы, обитающие в «бесконечной и безотрадной ночи», и киноцефалы – люди с собачьими головами (даже в «Грозе» А. Н. Островского звучит такой отголосок, дескать, «есть еще земля, где все люди с песьими головами», а ведь это уже вторая половина XIX столетия!). Тут

и скользящие по снегу на лыжах скридфинны, и биармийцы, и гипербореи, живущие в люто холодных краях³, тут и карлики, и великаны, обитающие во мраке ночи и «скрепляющие шкуры жилами животных и покрывающие таким образом свое тело».

Когда люди впервые пришли в Арктику? Благодаря находкам археологов и геологов на этот вопрос ответить можно хотя бы приблизительно: человек появился в высоких широтах несколько десятков тысяч лет назад, когда равнины Евразии и Северной Америки покрывал сверкающим, обжигающе-холодным панцирем Великий четвертичный ледник. Люди первобытной послеледниковой эпохи, древние охотники и рыболовы, по мере постепенного отступления льдов на север становились первыми аборигенами высоких широт.

Уже в наши дни исследователи добыли в результате раскопок совершенно поразительные сведения. Оказывается, еще десять тысяч лет назад на дальневосточном Севере существовала так называемая протоэскимосская культура. Три с лишним тысячи лет назад предки нынешних чукчей и юкагиров уже интенсивно обживали Чукотку, а на острове Врангеля обитали искусные морские охотники, которые поддерживали, как сказали бы мы сегодня, дружеские экономические связи с самыми отдаленными и труднодоступными территориями, включая чуть ли не Гренландию, и происходило все это в эпоху, когда в мире не было ни Древних Афин, ни Древнего Рима!

При этом возникает непростая проблема: кого следует считать первооткрывателями, если иметь в виду, что на всех континентах Земли (кроме Антарктиды), на островах и архипелагах планеты испокон веков, а вернее, тысячелетий, жили, охотились, боролись со стихиями и умирали в полнейшей неизвестности коренные обитатели той или иной территории?

Очевидно, нужно всегда помнить, что речь в подобных случаях может идти исключительно о белых пришельцах, неожиданно вторгшихся в мир черных, желтых, смуглых,

³ Согласно древнему историку Геродоту, еще в IX в. до н. э. в тех местах побывал грек Аристей.

меднокожих «дикарей», истинных первооткрывателей и хозяев своей родины, которую уже потом, много столетий или даже тысячелетий спустя, торжественно нарекали, допустим, Америкой. Либо Арктикой, если не ограничиваться одними только материками.

Так вот, Пифей оказался именно таким первым белым посланцем цивилизованного мира, не преследовавшим при этом никаких захватнических целей. Слава ему и честь! Не будем только никогда забывать о коренных жителях – а ведь лишь на нашем Крайнем Севере сегодня проживает двадцать шесть так называемых малочисленных народностей, не говоря уже о таком крупном древнем народе, как якуты.

Да еще нужно непременно учитывать, что «самые-самые первые» на поверку оказываются иногда вовсе не таковыми (тот же Пифей, не исключено, располагал какими-то данными о северных землях, добытыми кем-то из более ранних мореплавателей). Лучшим доказательством тому служит пример Христофора Колумба: ныне даже школьники знают, что он ни в коем случае не был первым европейцем, достигшим берегов Нового Света, – за несколько веков до него это сделали викинги. А кто возьмет на себя смелость сказать, были ли те викинги первыми, не опередили ли их предшественники, так и оставшиеся безымянными для истории?

Но, вероятнее всего, викинги и вышли через тысячу лет после Пифея к «настоящим» полярным морям. Не к Балтийскому или Северному, а к Баренцеву, Белому, Гренландскому. К «маре конгелатум» – «застывшему» арктическому морю, т. е. к Ледовитому океану. Строго говоря, викинги в любом случае обитали «недалеко» от Арктики, в Приполярье и Заполярье Скандинавского полуострова, однако этих суровых северян влекло во все более высокие широты, и в своих плаваниях они достигли большого искусства.

Позволительно задаться старым как мир вопросом: зачем (либо за чем) они туда стремились? Что гнало их на самый крайний север, где и аборигены-то отсутствовали, где были одни только голые скалы, снега и льды, дрейфующие соленые льды

океана и пресные голубые ледники, сползающие в море с гор безлюдной и безымянной Гренландии, с безлюдных и безымянных Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Новой Земли?

Нет, разумеется, не снега и не льды звали древних скандинавов в страну незаходящего солнца и многомесячного зимнего мрака. Об истинных побудительных мотивах кратко и образно повествует «Королевское зеркало» – норвежский литературный памятник первой половины XIII столетия, созданный неизвестным летописцем на основе старинных хроник и легенд:

«Хочешь ты знать, что ищут люди в той стране и почему они туда отправляются, несмотря на большую опасность для жизни? Знай же, что три свойства человеческой природы побуждают их к тому: во-первых, соревнование и склонность к известности, ибо человеку свойственно устремляться туда, где грозит большая опасность, благодаря чему можно приобрести известность; во-вторых, любознательность, ибо также свойством человеческой природы является стремление видеть и знать те местности, о которых ему рассказывали; в-третьих, человеку свойственно любостяжание, ибо люди постоянно жаждут денег и добра и идут туда, где, по слухам, можно иметь прибыли, несмотря на грозящую большую опасность».

В стародавней хронике сформулированы те основные законы, по которым человек и сегодня (как сто, тысячу, десять тысяч лет назад) уходит в Неведомое. И пусть оно, это загадочное Неведомое, таит в себе смертельную угрозу, пусть не каждому суждено возвратиться домой из губительного плавания либо похода в северные края – жажда борьбы и славы, богатства и бескорыстного познания неутолима, неистребима.

В сущности, все законы, изложенные в «Королевском зеркале», действуют и по сей день. По ним жили и творили древние, они же диктуют линию поведения нашим современникам. И вот что удивительно: вторая побудительная причина тяги человека на север – «любознательность», «стремление видеть и знать» – всегда на равных уживалась с прочими, куда более земными мотивами. Никто из нас не узнает, когда в Заполярье появилась первая пришлая артель (промысловая,

рыболовецкая), волею судеб застрявшая там на зиму. А вот даты первой зимовки, которую с полным правом можно назвать исследовательской, историки приводят с завидной точностью.

Это было в 1633–1634 гг. По заданию торговой «Гренландской компании» семеро голландских моряков добровольно отправились на остров Ян-Майен, лежащий на границе между Норвежским и Гренландским морями, чтобы провести там «самые точные наблюдения над природой Арктики, как то: над полярной ночью и другими своеобразными явлениями, относительно которых мнения астрономов расходятся». Трудно удержаться от улыбки при чтении слов «точные наблюдения» – у голландцев не имелось ни единого метеорологического прибора, поскольку их просто-напросто еще не успели изобрести!

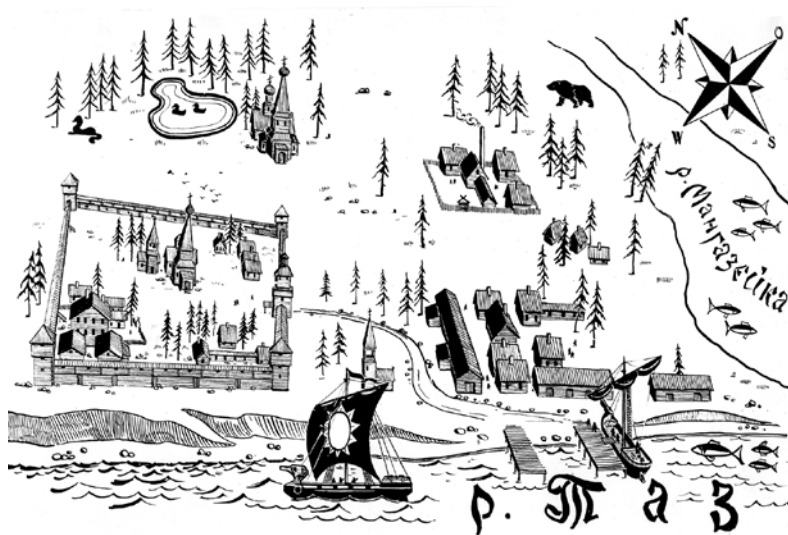
Они вели ежедневный дневник погоды и заполняли его с величайшей тщательностью до смертного часа последнего из той семерки, навеки оставшейся безымянной. Примечательно, что этот последний наблюдатель-матрос лишь здесь, на зимовке, выучился читать и писать. Как отозвался о безвестном исследователе один из современных нам знатоков истории Арктики, «имени его не упоминается ни в одном научном труде, но по тому времени он вел именно научную работу, исполненную величия». Прочитируем же несколько строк из того удивительного дневника погоды:

«Ветер тот же. Небольшой дождь. Мы находимся в таком жалком состоянии, что... никто не может помочь самому себе, не говоря уже о помощи другим. Пока хватает сил, я исполняю свой долг, как могу. Ночь была темная, и ветер тот же. Днем и ночью 24 апреля было облачно, ветер дул с юга. 25-го временами сияло солнце. Ночью дул свежий норд-вест. 26-го день был тихий, пасмурный, ночь – хорошая, ветер западный. 27-го оттепель, мы убили нашу собаку из-за недостатка в свежих продуктах. Ночь была пасмурная, но без дождя, ветер восточный. 28-го тот же ветер, ночью дул свежий норд. 29-го ветер и погода те же. 30-го ясный солнечней день, ветер тот же. Умираю...»

Обратимся, однако, к более далеким временам. Викинги были отчаянными искателями приключений и одновременно – легкой наживы. В северных водах эти морские разбойники грабили мирные торговые суда и в своих откровенно пиратских маршрутах явно тяготели к западу, что и привело в конце концов к открытию Гренландии и Северной Америки. При этом они все ревнивее поглядывали на восток. Там, на берегах Белого моря и впадающих в него многочисленных рек, а также в тундре Кольского полуострова жили карелы и лопари (саами), промышлявшие оленя, песца, морского зверя, ловившие рыбу. До изобретения огнестрельного оружия оставались еще целые столетия, и невозможно не поражаться, с каким искусством создавали и поддерживали они, аборигены Заполярья, «систему» собственного жизнеобеспечения.

А к XII в. (историки, впрочем, яростно спорят, не уменьшить ли эту цифру) здесь появились первые русские люди, предприимчивые и храбрые новгородцы. Супердержава той поры, «господин Великий Новгород», старалась максимально расширить сферу торговли, а значит, и своего влияния. К берегам «Студеного моря» один за другим направлялись отряды новгородцев. Сюда, в дикие и почти необитаемые края, тянулся также и беглый народец – бесправные холопы, пытавшиеся освободиться из-под власти бояр и купцов, обрести волю, выйти в люди. Уцелеть в такой яростной борьбе могли, естественно, только самые дерзкие и лихие личности, презиравшие опасности и тяготы северной жизни. Именно с тех времен Заполярье надолго сделалось прибежищем для таких вот незаурядных людей – от стихийных бунтарей стародавнего прошлого до романтиков-революционеров, выдающихся арктических исследователей XIX–XX вв.

Морские суда новгородцев-северян, их замечательные лодьи и кочи, год за годом, столетие за столетием продвигались все дальше и дальше на восток. Говоря сегодняшним языком, шло поэтапное освоение трассы Северного морского пути (сам термин, конечно, принадлежит гораздо более

«Златокопящая Мангазея»

Реконструкция В. И. Смирнова по раскопкам 1968 г.

поздней эпохе, даже официальное наименование «Северный Ледовитый океан» было окончательно узаконено лишь в 1935 г.). Мореплаватели то и дело превращались в заправских путешественников, и наоборот: они волоком перетаскивали суда через бесчисленные перешейки и водоразделы, проводили их по малым и мелким речушкам, упорно пробираясь в наиболее глухие уголки Северного Поморья, в земли Печоры и Урала. Новгородцы прочно оседали на новых местах, ставили крепости-городки, занимались добычей редкостных туземных товаров у местного населения (в том числе и путем грабежа), били, словно заправские аборигены, медведя, моржа, пушного зверя.

Поколение за поколением продвигались потомки новгородцев на восток, медленно обживая северную кромку материка Евразии, совершенно безлюдные острова и архипелаги Баренцева моря – Колгуев, Вайгач, Новую Землю и совсем

уж немыслимо далекий Шпицберген – Грумант, как исстари называли его архангельские поморы (сам Архангельск был основан в 1584 г. в дельте Северной Двины и стал со временем основным северным портом России).

Их манила все та же Неизвестность, а в ней, в ее туманной дымке, поморов ждали «мягкая рухлядь» (пушнина), моржовая (а впоследствии, когда они добрались до берегов Якутии, и мамонтовая) кость, шкуры и жир морского зверя, рыба, птица, олени. Они страдали и умирали от холода, голода, всяких напастей, погибали от несчастных случаев, теряли свои пробитые льдами, опрокинутые волнами суденышки, расставались с жизнью на пустынном безымянном берегу, исчезали бесследно, словно растворившись в безвестности. И упрямо, неукротимо шли на восток.

И вот уже за Обью, в стране, лежащей по берегам Пура и Таза, сказочно богатой пушным зверем, возникла «златокипящая» Мангазея, ставшая к началу XVII в. торговой и административной столицей Сибирского Севера. А еще через несколько десятков лет мангазейские и енисейские казаки, с помощью которых Московское государство (поскольку новгородской вольнице да и самому Великому Новгороду к XVI в. пришел конец) осуществляло контроль над отдаленными территориями, добрались до крайних восточных рек – Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы. Уже был «виден» конец Великой ледовой трассы.

В 1648 г. отряд казаков и промысловиков (или промышленников, как их здесь всегда называли), пройдя от устья Колымы через два полярных моря (Восточно-Сибирское и Чукотское), обогнул безымянный мыс, крайний северо-восточный мыс материка Евразии, и казачьи кочи вошли в пролив, разделяющий Азию и Северную Америку. Впервые в истории люди, плывшие по Ледовитому океану, оказались в Тихом. А через два с лишним столетия благодарные потомки нарекли крайний мыс континента именем командира казачьего отряда Семёна Дежнёва. Историческая справедливость восторжествовала? Да как сказать...